

И. Р. ШАФАРЕВИЧ

ОБ АНДРЕЕ ИВАНОВИЧЕ ЛАПИНЕ

С Андреем Ивановичем Лапиным мы подружились студентами, лет 15-16. Но жизнь так странно сложилась, что позже я стал его научным руководителем в аспирантуре. Он кончил мехмат по теории вероятностей под руководством А. Н. Колмогорова, но одновременно интересовался теорией алгебраических чисел. Сейчас я смутно помню, что у него была идея применять методы арифметики алгебраических чисел (идеалы, дивизоры) к сверткам некоторых законов распределения. Эти идеи потом не реализовались, но он решил, что в аспирантуре будет заниматься и теорией вероятностей, и теорией алгебраических чисел. Поэтому у него было два руководителя: А. Н. Колмогоров и я. Но через некоторое время А. Н. Колмогоров, чувствуя, что интересы Лапина переместились в теорию алгебраических чисел, сказал, что хочет мне передать руководство им. С тех пор я стал единственным руководителем А. И. Лапина.

К моменту ареста А. И. Лапин закончил аспирантуру: сдал все экзамены, подготовил диссертацию и написал по ее материалам несколько работ, которые предполагалось опубликовать. Он уже был принят на работу в Математический институт им. Стеклова и одновременно преподавал на полставки в МВТУ им. Баумана. Он был арестован по доносу, поступившему из МВТУ, так что на месте его основной работы — в Институте им. Стеклова — об аресте не знали целый месяц. Видимо, МГБ связывало А. И. Лапина с тем местом работы, откуда поступил на него донос, и не уведомило другое (основное) место его работы.

По тогдашним временам арест А. И. Лапина был скорее предвидимым, чем неожиданным. Он был очень экспансивен, и речи его, по меркам того времени, воспринимались как крайне неосторожные. Например, еще в аспирантуре он поступил преподавать на полставки в Физико-технический институт. Институт находился за городом, и преподавателей возили туда на автобусе. И один из преподавателей, обычно ездивший в одном автобусе с А. И. Лапиным, говорил мне, что все они просто были объаты страхом от того, что им в дороге говорил Лапин. Видимо, и тогда кто-то написал донос — но не в МГБ, а в дирекцию института. В результате А. И. Лапина просто тихо уволили. В тот раз эта участь его миновала.

Как мне позже рассказывал А. И. Лапин, после ареста он в камере несколько дней сочинял сюжеты очень абстрактных, мистических трагедий. А потом резко бросил и стал продолжать свои математические работы. Судя по тому, что стало известно позже, мне представляется, что А. И. Лапин относился к очень небольшому числу арестованных тогда, кто не воспринял с покорной пассивностью свой арест, а настойчиво боролся за свое освобождение. Он сумел убедить следователя, чтобы его перевели в больницу. В больнице он подчинил своему влиянию врача и добился возможности заниматься математикой. Позже он мне рассказывал, что стал в больнице своего рода показателем ее хорошей работы. Когда приходила какая-нибудь комиссия, ей обязательно демонстрировали больного, трудящегося над математическими рукописями. Это ему помогло выйти на свободу в те времена, когда такой исход — до смерти Сталина и волны реабилитации — был громадной редкостью. Но думаю, что все это не помогло бы, если бы не усилия его жены Изабеллы Григорьевны Башмаковой. Она пыталась добиться того, что в тогдашних условиях казалось невозможным, — и часто добивалась: свидания с А. И. Лапиным, передачи его работы на отзыв в Академию наук и т. д.

Написанная в больнице работа А. И. Лапина была передана мне на отзыв кем-то из администрации Института им. Стеклова (сейчас не помню — кем именно) безо всяких комментариев. Тогда в прессе дежурной темой была «борьба за приоритет советской науки». В своем отзыве я присоединил к чисто научным аргументам и эту в пользу опубликования работы. Ни о каких планах публикации работы как совместной, тем более с псевдонимом «Иванов» для Лапина, я до сих пор не слышал. Пока шла переписка о публикации работы, А. И. Лапин был освобожден, и она была опубликована под его собственной фамилией.

В качестве заключительного штриха вспоминаю, что за время ареста из аспирантуры мехмата исчезло личное дело А. И. Лапина. Один влиятельный член партбюро пришел и забрал его. Поэтому, чтобы защитить диссертацию, А. И. Лапин должен был еще обходить всех, кому сдавал аспирантские экзамены, и восстанавливать свою оценку.

Опубликованные выше материалы мне кажутся очень интересными. На примере одного драматического эпизода в одной человеческой судьбе они дают возможность почувствовать дух того времени, о котором до сих пор так трудно объективно рассуждать. Два разительных обстоятельства бросаются в глаза.

Во-первых, это то, на каком высочайшем уровне принималось решение. Вопрос о публикации работы не защитившегося аспиранта рассматривался тремя членами Политбюро! На таких примерах начинаешь понимать степень централизованности тогдашней государственной машины.

Во-вторых, эта поддержка, оказанная арестованному А. И. Лапину почти всеми академическими инстанциями. Поддержка, конечно, осторожная и, скорее, пассивная, но для его судьбы — решающая. Ведь каждый из тех сотрудников Академии, чьи подписи стоят под публикуемыми документами, мог, несомненно, найти предлог от такой подписи уклониться. Да, достаточно было бы нейтрально-кислого отзыва вроде: «не вижу перспектив практического применения» (а объективно это было верно), чтобы работу похоронить. А на противоположной чаше весов была небезопасная ситуация, которая могла бы быть по тем временам интерпретирована как поддержка разоблаченного антисоветчика. Мне кажется, это показывает, что люди тогда далеко не стали стопроцентно послушными винтиками репрессивной системы, как это иногда сейчас представляется.